

даже переживёт дочь и мужа.

Таким образом, Елена действительно является неподвижным персонажем романа, не способным совершить поступок, поэтому она не строит свой сюжет, а становится участником сюжетов, которые строят другие герои романа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Женщины, Познание и реальность // Исследования по феминистской философии. – М., 2005. – 440 с.
2. Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Лотман Ю.М. Об искусстве. – СПб., 2005. – 704 с.
3. Улицкая Л. Казус Кукоцкого: Роман. – М., 2004. – 448 с.

Марина ВОЛОЩУК

УДК 821.161.1-31.09

«ПРИЯТНЫЙ» / «НЕПРИЯТНЫЙ» В ЭПИТЕТНОЙ СИСТЕМЕ РОМАНА Л. ТОЛСТОГО «ВОСКРЕСЕНИЕ»

Статья посвящена исследованию коррелятивной пары эпитетов «приятный — неприятный» в романе Л. Толстого «Воскресение». Лейтмотивный характер функционирования эпитетов «приятный» / «неприятный» в составе парных эпитетов, эпитетных вилок и эпитетных цепочек становится значимым в аспекте поэтики контрастов.

Ключевые слова: антитеза, коррелятивная пара, парные эпитеты, эпитет, эпитетная аналогия, эпитетная вилка, эпитетная цепочка, Л. Толстой.

Стаття присвячена дослідженню корелятивної пари епітетів «приємний — неприємний» в романі Л. Толстого «Воскресіння». Лейтмотивний характер функціонування епітетів «приємний» / «неприємний» в складі парних епітетів, епітетних виделок та епітетних ланцюжків стає значущим в аспекті поетики контрастів.

Ключові слова: антитеза, парні епітети, епітет, епітетна виделка, епітетний ланцюжок, Л. Толстой.

The article covers investigation of the correlative pairs of epithets «pleasant — unpleasant» in the novel “Voskresenie” by Lev Tolstoy. The leitmotif character of the functioning of the epithets «pleasant» / «unpleasant», used in the pairs of epithets, forks of epithets and chains of epithets, is valuable in the aspect of poetics of the contrasts.

Key words: antithesis, correlative pair, pairs of epithets, epithet, epithet analogy, fork of epithets, chain of epithets, L. Tolstoy.

Современная эпитетология Л. Толстого удивляет своей объемностью и многогранностью: эпитеты рассматриваются как средство создания художественного образа [3; 14] или возводятся в ранг символических эпитетов [12]. Исследования эпитетов как составляющих художественного образа литературного произведения плавно переходят в концентрированные изучения цветových эпитетов (М. Альман [1], Н. Апостолов [2], Г. Галкина и В. Цапникова [5], В. Порудоминский [13]).

Рассмотрение своеобразия цветových характеристик, индивидуальных для каждого писателя, распадается на ряд самостоятельных исследований отдельных качеств. Например, «**лиловый**» цвет в творчестве Л. Толстого [2]. Интерес филологов не ограничивается спецификой цветových эпитетов, в их поле зрения попадают и другие эпитеты, например, эпитет «**детский**» в романе «Война и мир» [9].

Хотя эти исследования отличаются точностью и последовательностью анализа эпитетов, отсутствует комплексное изучение структурных и функциональных особенностей эпитетов в творчестве Л. Толстого. Несколько работ В. Краснянского посвящено структурным особенностям эпитетов Л. Толстого. В частности, рассматривается специфика сложного эпитета [6]. В разысканиях В. Краснянского основное внимание концентрируется на структурных особенностях эпитетов, исследователем предложены основные принципы системного подхода к изучению эпитетов.

Детально рассматривались эпитеты в творчестве более раннего периода Л. Толстого [11]. Исследования эпитетов в поздней художественной прозе писателя представляются спорадическими [7; 12].

Изучение приема контраста как сюжетно-композиционного элемента в сочетании с скрупулезным рассмотрением коррелятивных пар эпитетов позволяет вносить существенные коррективы в идейное содержание произведения. В литературно-художественных произведениях позднего периода творчества Л. Толстого антитеза часто выражается в пределах эпитетных антиномий — совмещения

эпитетов с противоположным оттенком значения.

Заканчивая работу над романом «Воскресение», Л. Толстой писал: «Не то, что я мрачен и грустен — я не могу быть таким (мне, слава Богу, хорошо на душе), но нет энергии, охоты работать, а какая есть, всю пускаю на колесо обязательной работы «Воскресения», к которой меня подгоняют и рвут со всех сторон. Много было приятного мне в этой работе, в самой работе, но в отношениях с людьми, с издателями было неприятного очень много» [15, т. 72, 203]. Как видим, для Л. Толстого точным и наиболее существенным в выражении оценки сложности работы над романом «Воскресение» является противопоставление качеств «приятного» / «неприятного». Л. Толстому «приятен» сам процесс написания романа «Воскресение» — творческая, креативная и духовно-практическая деятельность. «Неприятное» — отождествляется в сознании Л. Толстого с социальными отношениями, меркантильно-прагматическими условиями деятельности писателя. Сочетание противоположных эпитетов «приятный» / «неприятный» свидетельствует о противоречивости художественного мышления Л. Толстого.

В романе Л. Толстого «Воскресение» эпитеты «приятный» / «неприятный» находят свое выражение в характеристиках повествователя и персонажей. Количество повторов эпитета «приятный» (60) в высказываниях повествователя и персонажей превосходит частотность эпитета «неприятный» (47). «Повтор в художественном тексте — это традиционное название отношения элементов в художественной структуре сопоставления, которое может реализовываться как антитеза и отождествление. Антитеза означает выделение противоположного в сходном (коррелятивная пара), отождествление — совмещение того, что казалось различным. Разновидностью антитезы является аналогия — выделение сходного в отличном» [8, 39]. Антитеза, отождествление и аналогия проявляются в сопоставлении эпитетов «приятный» / «неприятный» в высказываниях повествователя и персонажей, образуя коррелятивные пары «приятный» — «неприятный».

Так, описание повествователем отношения присяжных к объективности суда становится ироничным: «Все вздохнули облегченно с приятным сознанием того, что теперь началось исследование, и сейчас всё выяснится, и справедливость будет удовлетворена» [15, 37]. Повествование ведется, главным образом, через призму восприятия Нехлюдова. Эпитет «приятный» сопрягает позиции повествователя и персонажей: для присяжных возможно «приятное» сознание правдивости суда, в иронической окраске эпитета «приятное» (и всей сюжетно-композиционной ситуации) выявляется негативное восприятие всего процесса суда, так раскрывается подлинная позиция автора. Повествование окрашено восприятием Нехлюдова, благодаря которому сближаются позиции персонажа и автора: «Различные оценки могут органически склеиваться воедино в авторском тексте (вступая друг с другом в те или иные отношения)» [16, 20]. Так в одном эпитете «приятный», в результате наслоения позиции персонажа и автора, в сходном выявляется различное.

Такой механизм совмещения оценок у Л. Толстого действует через эпитеты «приятный» / «неприятный» и модификации «не неприятный», которые в той или иной мере способны выражать одновременно позитивное и негативное значение.

Амбивалентным становится образ Нехлюдова. Контрастность коррелятивной пары эпитетов «приятный — неприятный» становится функциональной в описании состояния или отношения персонажей к кому-либо (или к чему-либо), а также в непосредственной оценке персонажей.

Эпитет «приятный» включается в речь персонажей редко (5 раз): 2 раза в составе этикетных обращений, например, в высказывании председателя суда: «Да, как же, князь Нехлюдов? Очень приятно, мы уже встречались, — сказал председатель, пожимая руку» [15, т. 32, 86]. Три раза — как составляющая отношения персонажа к чему-либо, например, в высказываниях Нехлюдова: «Это я нашел в Панове, давнишняя фотография, может быть, вам приятно. Возьмите» [15, т. 32, 242]. В этом случае выражается эмоциональное состояние другого главного героя — Масловой.

Эпитет «неприятный» в речи персонажей не зафиксирован, возможно, это связано с тем, что эпитет «неприятный» вносит в высказывания персонажей однозначную отрицательную оценку к изображаемому, что не приемлемо для Л. Толстого, который всячески избегал проявлений однозначности восприятия ситуации, шаблонного изображения.

В характеристиках повествователя соотношение эпитета «приятный» (55) / «неприятный» (47) — разное, что свидетельствует о количественном превосходстве положительных качеств в характеристике повествователя в романе Л. Толстого «Воскресение», и о постоянстве позиции повествователя. Но при этом остается неоднозначность в оценке персонажей, что проявляется в корреляции эпитетов «приятный» / «неприятный» в составе вилоч эпитетов, парных эпитетов и эпитетных запяток. Эпитет «приятный» функционирует в обрисовке позитивного отношения Нехлюдова ко всему, что причастно к жизни крестьян: «Христос воскрес, — сказал он, смеясь глазами, и, придвинувшись к Нехлюдову и обдав его особенным мужицким, приятным запахом, щекоча его своей курчавой бородкой, в самую середину губ три раза поцеловал его своими крепкими, свежими губами» [15, т. 32, 56]. Эпитет «мужицкий» имплицитно противопоставляется эпитету «приятный», что приводит к

оформлению этих эпитетов в эпитетную вилку. В составе вилки эпитетов «*мужицким, приятным запахом*» повествование субъективизируется: в эпитете «*мужицким*» фиксируется восприятие Нехлюдова, в эпитете «*приятным*» — проявляется позиция повествователя. В результате совмещения позиций повествователя и персонажа создается эффект остраненного восприятия ситуации.

Эпитеты «*приятный*» / «*неприятный*» совмещаются в пределах эпитетной вилки «*приятно и неприятно*»: «*Письмо это было и приятно и неприятно Нехлюдову. Приятно было чувствовать свою власть над большою собственностью и неприятно было то, что во время своей первой молодости он был восторженным последователем Герберта Спенсера*» [15, т. 32, 16]. Контактное и дистантное размещение составляющих эпитетных вилок «*приятно и неприятно*» усиливает антитезу в обрисовке образа Нехлюдова. «*Приятно*» для Нехлюдова быть владельцем большой собственности, чтобы чувствовать свою власть, а не для того, чтобы поступить согласно учению Спенсера. Иначе Нехлюдову было бы «*приятно*», что он был последователем Спенсера. Так подчеркивается противоречивость образа Нехлюдова в романе Л. Толстого «Воскресение».

Неоднозначности образа Нехлюдова противопоставляется однозначность в поведении других персонажей. Так, парный эпитет «*учтиво и приятно*» в описании судебного пристава претерпевает существенные изменения в редакциях романа «Воскресение». В первой незаконченной редакции романа «Воскресение» в описании судебного пристава фигурирует парный эпитет: «*Вышел неприятно, ненатурально учтивый судебный приставъ, спросил фамилии, справился съ списками и отъѣлъ. «Пожалуйте. У насъ хорошо, акуратно», какъ будто говорилъ онъ*» [15, т. 33, 18]. Эпитеты «*неприятно, ненатурально*» указывают на степень проявления определяемого качества «*учтивый*». В окончательном варианте романа «Воскресение» Л. Толстой остановился на качественно противоположной паре эпитетов: «*Судебный пристав особенно учтиво и приятно, глядя поверхъ рѣс-пеэ, поклонился, какъ будто выделяя его этимъ отъ другихъ*» [15, т. 32, 25]. Эпитет «*неприятно, ненатурально учтивый*» участвует в создании характеристики сущности человека (судебного пристава); парный эпитет «*особенно учтиво и приятно*» актуализирует эксплицитный и имплицитный планы высказывания.

В характеристике восприятия Нехлюдовым поведения председателя суда эпитетная вилка слегка трансформируется: «*Ведь видите ли, Масловой предстояло одно изъ двухъ, — очевидно желая быть какъ можно приятнее и учтивее с Нехлюдовым, сказалъ председатель*» [15, т. 32, 87]. Парный эпитет «*приятнее и учтивее*», является моделью поведения, а также отражением своеобразного этикетного языка служащих и чиновников. Так, элементы парных эпитетов семантически сходны, а ощущение натянутости в манере поведения служащих (судебного пристава) или чиновников (председателя суда) с обеспеченными и влиятельными людьми (Нехлюдовым) выявляет восприятие самого автора. Так выделяется противоположное (позиция автора и персонажа) в сходном (в результате функционирования парного эпитета «*особенно учтиво и приятно*», элементы которого семантически сходны), формируется эпитетная антитеза.

Антитеза проявляется в пределах вилок эпитетов («*ему было и приятно и гадко*» [15, т. 32, 319]), парных эпитетов («*особенно учтиво и приятно*» [15, т. 32, 25]), эпитетных цепочек («*резкий, едкий и неприятный запахъ навоза*» [15, т. 32, 319]).

В изображении повествователем персонажей также наблюдается противопоставление не только в пределах одной вилки, одной пары или одной цепочки эпитетов, но и между парами эпитетов (или двумя эпитетными цепочками), в состав которых входят эпитеты «*приятный*» / «*неприятный*». Эпитеты «*приятный*» / «*неприятный*» образуют коррелятивную пару в характеристике одних и тех же особенностей — чувства, голоса, улыбки, разговора, лица и др. Так, например, в сходном описании улыбки разных персонажей («*приятная улыбка*») выявляется противоположное восприятие: «*Сделайте одолжение, — с приятной улыбкой сказалъ помощникъ и сталъ что-то спрашивать у надзирателя*» [15, 176]. «*Приятная улыбка*» помощника надзирателя противопоставлена искренним проявлениям переживаний арестантки: «*Два раза сидела, — улыбаясь грустной приятной улыбкой, сказала тетка. — Когда меня взяли в первый разъ — и взяли ни за что, — продолжала она, — мне было 22 года, у меня былъ ребенок, и я была беременна*» [15, 294]. Так эпитетная антитеза обнаруживается в одной эпитетной структуре («*приятная улыбка*»).

Коррелятивная пара «*приятный — неприятный*» является значимой в выявлении противоречий, существующих в обрисовке образа Нехлюдова.

Неоднозначность восприятия Нехлюдова раскрывается в разных сюжетно-повествовательных частях «Воскресения». Осознание своей власти над собственностью «*приятно*» Нехлюдову в начале романа. В конце произведения некоторые проявления дворянской жизни становятся «*неприятны*» Нехлюдову: «*И это обхождение стола и пожимание рукъ всемъ присутствующимъ, хотя с большинствомъ изъ нихъ онъ никогда не разговаривалъ, показалось ему нынче особенно неприятнымъ и смешнымъ*» [15, т. 32, 90]. Усилению отрицательного отношения Нехлюдова к современной элите способствует увеличение повтора эпитета «*неприятный*» от трех до пяти раз: «*Ему неприятенъ былъ и этотъ самоуверенный, пошлый, либеральный тонъ Колосова, неприятна была бычачья, самоуверенная, чувственная фигура*

старика Корчагина, **неприятны** были французские фразы славянофилки Катерины Алексеевны, **неприятны** были стесненные лица гувернантки и репетитора, особенно **неприятно** было местоимение «ему», сказанное о нем» [15, т. 32, 92]. Частотность эпитета «**неприятный**» в пределах одной фразы создает определенный ритм описания ситуации: «Так называемый **сквозной** эпитет (термин Н.Ф. Познанского) повторяется при нескольких словах: "Застенчивый укор / **застенчивых** лугов, / **застенчивая** дрожь / **застенчивейших** рощ..." (Андрей-Вознесенский)» [9, 32]. И у Л. Толстого в романе «Воскресение» сквозной эпитет «**неприятный**» участвует в иллюстрации существующего напряжения в эмоциональном состоянии Нехлюдова.

Также в начале романа Нехлюдову «**неприятны**» проявления крестьянской жизни («**мужицкий** запах», «**резкий, едкий, не неприятный** запах навоза»). В конце «Воскресения» Нехлюдову «**приятны**» политические заключенные, интеллигенты, крестьяне. Также «**приятными**» для Нехлюдова являются люди, ценящие искренние чувства, справедливость и семейное счастье: «**Больше же всех** была **приятна** Нехлюдову милая молодая чета дочери генерала с ее мужем. Дочь эта была некрасивая, простодушная молодая женщина, вся поглощенная своими первыми двумя детьми» [15, т. 32, 428]. В этом случае отмечается единство точек зрения автора и персонажа, что в романе Л. Толстого бывает крайне редко.

Эпитет «**не неприятный**» является модификацией коррелятивной пары «**приятный** — **неприятный**», усиливает противопоставление точек зрения повествователя и персонажа, устраняя однозначность восприятия сюжетно-повествовательной ситуации. «**Не неприятный**» фиксируется по одному разу в высказываниях персонажа и в описании повествователя. Эпитет «**не неприятный**» обнаруживается в высказывании Игнатия Никифоровича (мужа сестры Нехлюдова) о замысле Нехлюдова ехать в Сибирь следом за Масловой и жениться на ней: «**Вот как! Но если вам не неприятно, объясните мне ваши мотивы. Я не понимаю их**» [15, т. 32, 319]. В результате двойного отрицания выражается неоднозначность восприятия. Первое отрицание «**НЕ**» аннулирует второе отрицание «**НЕприятный**», поэтому эпитет «**не неприятный**» воспринимается в значении '**приятный**'. Но и при этом нельзя всецело воспринимать эпитет «**не неприятный**» в значении '**приятный**'. Здесь совмещаются положительное и отрицательное в восприятии ситуации. Намерения Нехлюдова жениться на Масловой подсказываются автором, а отрицательное значение эпитета «**не неприятный**» отражает восприятие ситуации персонажем.

Конфликт точек зрения повествователя и персонажа фиксируется в эпитетной цепочке. В характеристиках повествователя эпитет «**не неприятный**» функционирует в описаниях бытовых картин жизни крестьянства: «**По всей улице стоял резкий, едкий и не неприятный** запах навоза, шедший и от тянувшихся в гору по глянцовито укатанной дороге телег и, главное, из раскопанного навоза дворов, мимо отворенных ворот, которых проходил Нехлюдов» [15, т. 32, 319]. Наблюдается усложнение фразы, которое приводит к семантическим сдвигам. Эпитеты «**резкий, едкий**» противопоставлены эпитету «**не неприятный**». Хотя однозначно утверждать, что эпитет «**не неприятный**» в этом случае имеет коннотацию '**приятный**' неправомерно, поскольку становится неясным семантическое присутствие других элементов цепочки («**резкий, едкий**»). В этом случае возможно наложение точек зрения повествователя и персонажа: «Переход от одной точки зрения к другой весьма нередок в авторском повествовании и зачастую происходит как бы исподволь, контрабандой — незаметно для читателя» [16, 31]. Особенности восприятия Нехлюдова закреплены в эпитетах «**резкий, едкий**», а в эпитете «**не неприятный**» совмещаются приемлемая для автора обрисовка ситуации повествователем и специфическое отношение Нехлюдова. Так, эпитет «**не неприятный**» аккумулирует контрастные характеристики противоречащих друг другу позиций повествователя и персонажа.

Эпитетная характеристика «**приятный**» / «**неприятный**» является не столько описательной, сколько оценочной: «Оценка как ценностный аспект значения присутствует в самых разных языковых выражениях... Имеются целые слои лексики, предназначенные для выражения оценки. Это в первую очередь прилагательные и наречия, которые обнаруживают огромное разнообразие оценочной семантики» [4, 6]. Поэтому у Л. Толстого оценка выражается в результате употребления эпитетов вообще и в частности — эпитетов «**приятный**» / «**неприятный**».

Функционирование эпитетов «**приятный**» / «**неприятный**» крайне субъективировано наличием точек зрения повествователя и персонажа. Антитеза от внешнего проявления расширяется на все уровни организации литературно-художественных произведений. В романе «Воскресение» антитеза в основном выражается в противопоставлении эпитетов «**приятный**» / «**неприятный**», оформляясь в коррелятивную пару «**приятный** — **неприятный**».

Лейтмотивный характер коррелятивной пары «**приятный** — **неприятный**» в составе эпитетных вилок, парных эпитетов и эпитетных цепочек является основой в раскрытии внутренних противоречий персонажей, в выявлении точек зрения повествователя и персонажа. Актуализация смысловых нюансов этой эпитетной пары выражает стремление писателя уйти от повествовательных штампов и ординарного изображения. Так формируется собственно толстовский подход к характеристике противоречивости сознания персонажей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альтман М. Читая Толстого / М. Альтман. — Тула : Приокское кн. изд-во, 1966. — 147 с.
2. Апостолов Н. Н. «Лиловый» цвет в творчестве Толстого / Апостолов Н. Н. // Толстой и о Толстом : Новые материалы — М. : Главнаука Наркомпроса, 1927. — Сб. 3. — С. 175—177 — (Труды Толстовского музея).
3. Бурнашева Н. И. Пластическая характеристика как средство создания художественного образа в романе «Война и мир» / Н. И. Бурнашева // Идеино-эстетическая функция изобразительных средств в русской литературе XIX века : межвузовский сборник научных трудов. — М. : МГПИ им. В. И. Ленина, 1985. — С. 68—77.
4. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф — отв. ред. Г. В. Степанов. — М. : Наука, 1985. — 226 с.
5. Галкина Г. С., Цапникова В. М. Некоторые особенности системы цветообозначения в романе Л.Н.Толстого "Война и мир" / Г.С. Галкина, В. М. Цапникова // Материалы XXII Толстовских чтений республиканский сборник : Проблемы языка и стиля Л.Н.Толстого. — Тула : Тулпединститут Л. Н. Толстого, 1974. — С. 13—31.
6. Краснянский В. В. Сложный эпитет в русской литературной речи. Учебное пособие к спецкурсу / В. В. Краснянский — Владимир : 1991. — 72 с.
7. Линчевская С. Н. Характерная специфика повести Л. Н. Толстого «Хаджи Мурат» / С. Н. Линчевская // Идеино-эстетическая функция изобразительных средств в русской литературе XIX века : межвузовский сборник научных трудов. — М. : МГПИ им. В. И. Ленина, 1985. — С. 77—85.
8. Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста (Структура стиха) / Ю. М. Лотман. — Л. : Просвещение, 1972. — 270 с.
9. Македон Т. А. Художественные функции эпитета «детский» в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» / Т. А. Македон // Интерпретация литературного и культурного текста : межвузовский сборник научных статей. — Биробиджан : Биробиджанский государственный педагогический институт, 2004. — С. 71—75.
10. Москвин В. П. Метафора и эпитет / В. П. Москвин // Русская метафора: Очерк семиотической теории. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Ленанд, 2006. — 184 с.
11. Некрасова В. Стилистическое использование эпитетов-прилагательных в ранних произведениях Л. Н. Толстого / В. Некрасова // Сборник научных студенческих работ Воронежского государственного университета. — Вып. 1. — Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 1968. — С. 141-145. — (Гуманитарные науки).
12. Переверзева Н. А. Поэтика художественного символа в повестях Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича» и «Крейцера соната» / Н. А. Переверзева // Идеино-эстетическая функция изобразительных средств в русской литературе XIX века : межвузовский сборник научных трудов. — М. : МГПИ им. В. И. Ленина, 1985. — С. 85—93.
13. Порудоминский В. Цвета Толстого : "Война и мир". Колорит портретов наблюдения и заметки / Владимир Порудоминский — Koln : Pastor Zond Edition, 1997. — 163 с.
14. Руднева Н. П. Эпитеты-определения как средства создания художественного образа в произведениях Л. Н. Толстого / Н. П. Руднева // Лев Толстой. Проблемы языка и стиля: доклады и сообщения IX и XI Толстовских чтений. — Тула, 1971. — С. 159—165.
15. Толстой Л. Н. Собр. соч. в 90 т. / Толстой, Лев Николаевич — М. : Художественная литература, 1935 — 1958.
16. Успенский Б. А. Семиотика искусства / Успенский Б. А. — М. : Школа «Языки русской культуры», июль 1995 — 360, [69] с.

Олена СПИЧАК

УДК 7.01

ЭСТЕТИКА ХРОНОТОПА В СОНЕТАХ ШЕКСПИРА

В статті досліджуються естетичні особливості хронотопа в сонетах Шекспіра. Сонет розглянуто як зразок філософської лірики, де хронотоп є темою і, водночас, принципом організації поетичного дискурсу.

Ключові слова: естетика, хронотоп, метафора, сонет, художнє бачення, дискурс.

В статье исследуются эстетические особенности хронотопа в сонетах Шекспира. Сонет рассмотрено как образец философской лирики, где хронотоп является темой и одновременно принципом организации поэтического дискурса.

Ключевые слова: эстетика, хронотоп, метафора, сонет, художественное видение, дискурс.

In the article the aesthetic features of chronotope are investigated in the sonnets of Shakespeare. A sonnet is considered as a standard of philosophical lyric poetry, where chronotope is a theme and, at the same time, principle of organization of poetic discourse.

Keywords: aesthetics, chronotope, metaphor, sonnet, artistic vision, discourse.